
ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ И НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Е.А. Кувшинова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются фонетические особенности разговорной речи, способствующие дифференциации разговорно-литературной и книжно-литературной разновидностей русского литературного языка.

Ключевые слова: разговорная речь, литературный язык, темп речи, ритмико-интонационный рисунок речи, коммуникативная функция речи.

Основной формой существования разговорно-литературной разновидности литературного языка считается устная форма. Именно поэтому фонетические особенности *разговорной речи* являются более яркими, чем орфоэпические нормы книжно-литературной разновидности русского литературного языка.

Фонетические особенности разговорной речи принято рассматривать с точки зрения ритма и темпа речи. Трудности в восприятии русской разговорной речи студентами-иностранцами встречаются в обоих случаях.

В устной разговорной речи, которая используется носителями языка в неофициальной обстановке, наблюдается более быстрый темп, менее четкая артикуляция, более сильная редукция звуков (вплоть до «проглатывания» звуков и слогов) по сравнению с используемой при обучении языку устной речью, построенной по нормам книжно-литературной разновидности. Наиболее частотными процессами в устной разговорной речи, как указывает Ширяев Н.А., являются «полная редукция гласного в первом заударном слоге», «в области согласных ... упрощение групп согласных» [1]. По мнению ученого, «многие фонетические особенности разговорной речи действуют в совокупности, создавая весьма „экзотический“ фонетический облик слов и словосочетаний, особенно частотных» [1].

Эти особенности устной речи затрудняют изучение русского языка как иностранного. Так, иностранными студентами разговорные варианты *щас* или *ща* (сейчас), *ваще* или *вааще* (вообще), *тыща* (тысяча), *чо* (что) и т.п. оцениваются как самостоятельные лексемы, почти не связанные с лексемами-первоисточниками; различные отчества, например, *Пална* (Павловна), *Палыч* (Павлович), *Виктрыч* (Викторович), *Саныч* (Александрович) и др. превращаются в их восприятии во вторую часть имени или в фамильную приставку. Одной из основных трудностей в восприятии разговорной речи студентами-иностранцами становится распознавание принадлежности имени прилагательного к женскому или среднему роду, поскольку во флексии редукция гласных, находящихся в заударной позиции чрезвычайно сильна. Носители русского языка способны быстро ориентироваться в родовой принадлежности имени прилагательного, исходя из грамматического рода следующего за ним имени существительного, например: [новъй] окно (но-

вое) и [новъйь] *земля* (новая) — родовая принадлежность имен существительных легко определяется благодаря ударным формантам **-о** и **-я**. Но как только флексия оказывается в слабой безударной позиции, самостоятельное определение рода, особенно у новых слов, студентами-иностранцами становится практически невозможным: [добрьй утръ] (доброе утро) и [добрьй жэн'щинь] (добрая женщина). Стоит подчеркнуть, что все описанные процессы, присущие речи носителей русского языка, обусловлены законом речевой экономии.

Кроме того, в области темпа разговорной речи наблюдается варьирование, причинами которого авторы монографии «Русская разговорная речь» называют «степень коммуникативной значимости фрагментов разговорного текста и тенденции к изохронности синтагм» [2. С. 79]. Неоспоримо, что наиболее значимые речевые отрезки произносятся в замедленном темпе по сравнению с менее значимыми, также наблюдается ускорение темпа при произнесении вводных и вставных конструкций. Тенденция к изохронности синтагм наблюдается в выявленной исследователями закономерности увеличения темпа речи с увеличением количества звуков в синтагме.

Еще одной причиной сильного колебания темпа служит насыщенность разговорной речи различными обрывами, перебивами, самоисправлениями, запинками и другими нарушениями целостности речи. Исследователями выделяются два типа хезитации. Первый тип — «хезитация-самоперебив с целью перестройки высказывания. В части, следующей за внезапным обрывом, меняется либо способ выражения той же мысли, либо содержание высказывания, либо одно слово заменяется другим...» [2. С. 67], например: *Ты сможешь мне... меня отвезти?* или *Дай вон ту... вот эту штуковину*. Подобные самоисправления свойственны как носителям языка, так и лицам, изучающим русский язык. Однако причины хезитации разнятся: носитель подбирает лучшую форму для выражения мысли, студенты-иностранцы исправляют возникающие в их речи ошибки. Также различна длина паузы: у носителя языка она короче. Второй тип — «хезитация-обдумывание последующей части высказывания. Говорящий делает вынужденную остановку для того, чтобы спланировать свое дальнейшее сообщение, а затем продолжает рассказ, не меняя формы и содержания высказывания...» [2. С. 67], например: *Мы пойдем в магазин... промтоварный. Надо чего?* или *Экспресс-анализ есть... такой... чтобы сразу*. Данный вид хезитации свойственен исключительно лицам, владеющим языком на высоком уровне. Всякое изменение темпа речи привлекает внимание как носителя языка, так и лица, изучающего русский язык. Однако восприятие фразы оказывается различным: если человек, владеющий русским языком, способен понять предложение, разбитое подобными паузами, с первого раза, то для иностранца потребуется повторение высказывания без них.

Таким образом, многие явления, наблюдаемые в области темпа разговорной речи, опираются на смысловое содержание высказывания, где на первый план выступает коммуникативная функция речи.

Коммуникативная функция становится определяющей и в ритмико-интонационном рисунке разговорной речи, где просодические средства широко использу-

ются для выделения элементов высказывания, различных по степени важности. Максимальное динамическое выделение во фразе получают слова, принимающие на себя синтагматическое ударение, и, как правило, они являются смысловым центром высказывания, его коммуникативным ядром. Подобные ударные слова наиболее информативно значимы в конкретном акте коммуникации. Слова слабоударные и безударные достаточно часто не содержат важной информации, их даже можно опустить без существенного ущерба для общего смысла высказывания. Так, фраза: *А что он завтра? — Он **отдыхать** завтра летит... в **Испанию**.* является фрагментом диалога, где двое обсуждают возможность звонка третьему человеку, неучастнику разговора. В реплике первого участника диалога интонационно выделено наречие *завтра*, которое несет максимальную смысловую нагрузку, поскольку местоимение *он*, обозначающее предмет разговора, известный из предыдущих реплик, является избыточным. В реплике-ответе синтагматическое ударение несут две словоформы: *отдыхать* и *в Испанию*, — первое из которых является достаточным условием для объяснения причины занятости, а последующее *в Испанию*, произнесенное с удлинённым ударным слогом, объясняет отношение говорящего к этому событию; избыточным в данном контексте уже будет наречие *завтра*. Такое интонационное выделение наиболее информационно наполненных отрезков разговорной речи является одним из способов реализации коммуникативной функции. Обучение подобным синтагматическим способам выделения необходимо проводить на ранних этапах изучения русского языка иностранными студентами.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что смысловым центром, несущим на себе логическое ударение, должно быть полнозначное слово самостоятельной части речи. Однако это не так. Смыслообразующим компонентом в устной разговорной речи, в отличие от ее разговорно-литературной разновидности, может быть и слово служебной части речи с полнозначным словесным ударением, например предлогом: *Куда банку ставить? На стол или **под**?* — *Ставь **на**.* Подобная фраза, произнесенная в иностранной аудитории, потребует достраивания до целого предложения.

Кроме смысловой нагрузки, предлог может приобрести полновесное словесное ударение благодаря его «ритмической позиции во фразе» [2. С. 30], поскольку «для русской ритмики не характерно стечение нескольких ударных слогов подряд или, наоборот, слишком длительный междуударный интервал. <...> По наблюдениям исследователей, средний междуударный интервал, свойственный русской речи, колеблется в пределах от 1 до 3-х слогов» [2. С. 11]. Соответственно, если междуударный интервал свыше трех слогов, а первый слог полнозначного слова, к которому относится предлог, безударный, то предлог в такой позиции может получить словесное ударение: *Где мне ждать? — **Встречаемся** у магазина.*

Так как в разговорной речи велико влияние интонации, смысловых связей в предложениях, порядок слов и соположение частей, надобность в акцентировании внимания на союзах отпадает. Поэтому союз получает самостоятельное словесное ударение в том случае, «если интонационные средства не указывают

на наличие связи между частями высказывания» [2. С. 31]. Например: *Звонили сегодня из школы, поэтому гулять сегодня не идете*, — ударность союза *поэтому* объясняется тем, что зависимость частей высказывания интонационно не выражена, а союз концентрирует подразумеваемое значение вины школьников.

Наиболее примечательно поведение частиц в разговорных текстах. Обычно они подчиняются тем же ритмическим закономерностям, что и в пределах книжно-литературной разновидности: они либо безударны, либо слабоеударны. Однако есть случаи, когда частица может иметь полное словесное ударение: «Ударные частицы находятся обычно в начале или в конце фразы и степень их динамической выделенности зависит от их роли в высказывании» [2. С. 33]. Наиболее часто ударными бывают частицы *ну, ну вот, вот, да, ну это, значит* и др., которые стоят в начале реплики: *Ну так... пройдемте в комнату..., А вот... это наша гордость..., Ну значит в общем добираться долго*. Так как частицы не имеют полноценного лексического значения, подобная интонационная окрашенность и смысловая наполненность труднообъяснима иностранным слушателям.

Кроме обозначенных сильных позиций, Н.Н. Розанова говорит о неизменяемом классе знаменательных слов, берущих свое начало в частицах. Это явление языка Н.Ю. Шведова называла «заместители (эквиваленты) фразы» [3. С. 203]. В монографии «Русская разговорная речь» используется термин «релятивы», которые «выполняют определенную синтаксическую роль — они выражают реакцию собеседника на слова говорящего или на ситуацию. Фонетические релятивы представляют собой самостоятельные фразы со своим интонационным рисунком» [2. С. 35]. Например: *Видел новый фильм? — Ну и?* (требуется еще один, уточняющий вопрос) или *Пойдем пройдемся! — Да ну...* (выражается нежелание). Синтагматическое ударение всегда падает на частицы, выполняющие функции релятива. Усвоение указанных частиц иностранными студентами происходит в процессе непосредственной коммуникации с носителем языка.

Кроме того, важную роль в ритмической организации разговорной речи имеют так называемые «пустые частицы», они являются информационно избыточными элементами. О.Б. Сиротина отмечает, что пустые частицы выполняют функцию заполнения «вынужденных в спонтанной речи пауз» [4. С. 71]; Н.Н. Розанова добавляет, что они могут «вноситься в речь автоматически, бессознательно» [2. С. 36]. Пустыми частицами чаще всего выступают *ну, это, знаешь, понимаешь* и др., они не несут в себе никакого лексического значения: *Он понимаешь вышел недавно* или *Я пошел вот домой*. Эти частицы чаще всего не имеют яркой интонационной окрашенности и потому могут не восприниматься лицами, изучающими русский язык. Однако частое общение с собеседником, использующим подобные слова-паразиты, может отразиться на речи студента, который начнет сознательно употреблять данные единицы языка.

Ритмические характеристики слов, принадлежащих к самостоятельным частям речи, в разговорной речи практически не отличаются от книжно-литературной разновидности, однако степень ударности слова влияет на его фонетическую деформацию, которая зависит также и от темпа речи.

Ритм и темп разговорной речи характеризуется большей вариативностью, чем те же явления книжно-литературного языка. При обучении русскому языку как иностранному выделение фонетических особенностей разговорной речи как лингвистической системы не должно смешиваться с определением характерных черт произношения отдельного носителя языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. — М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/index.php (дата обращения 11.11.2013).
- [2] *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Красильникова Е.В., Розанова Н.Н.* Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — М.: Наука, 1983.
- [3] *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М.: Азбуковник, 2003.
- [4] *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974.

LITERATURA

- [1] *Kultura russkoj rechi: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. L.K. Graudinoj i prof. E.N. Shiryayeva.* — М.: NORMA-INFRA, 1998. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/index.php
- [2] *Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.V., Krasil'nikova E.V., Rozanova N.N.* Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. — М.: Nauka, 1983.
- [3] *Shvedova N.Yu.* Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi. — М.: Azbukovnik, 2003.
- [4] *Sirotinina O.B.* Sovremennaya razgovornaya rech' i eyo osobennosti. — М.: Prosveshhenie, 1974.

PHONETIC FEATURES OF COLLOQUIAL SPEECH AND CODIFIED NORMS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

E.A. Kuvshinova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In the article differentiation between colloquially literary and bookish literary types of the Russian literary language is made by analysis of phonetic features of colloquial speech.

Key words: colloquial speech, literary language, speech tempo, rhythm of speech, intonation, communicative function of speech.